

Свинкина Марина Юрьевна

ПОНЯТИЙНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КАТЕГОРИЙ ЧУЖЕСТЬ - ДРУГОСТЬ - ИНАКОВОСТЬ

Статья посвящена детальному анализу понятий "чужест", "другость", "инаковость" как категорий интерпретации действительности в условиях многонационального общества. Рассматриваются и описываются актуальные подходы к определению данных понятий с позиции их языковой, культурологической и философской сущности. На основе семантического и контекстуального анализа лексем "чужой", "другой", "иной" в русском и немецком языках выделены их дифференцирующие признаки; предложена шкала их когнитивной градации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 148-152. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, производные адъективы с оценочной семантикой в русских говорах Приамурья образуются в целом по тем же моделям, что и в литературном языке, однако с различной степенью продуктивности; своеобразие относимых традиционно к оценочным адъективным суффиксов в русских говорах Приамурья заключается, с одной стороны, в частичной утрате оценочного значения, с другой стороны, в расширении спектра оценочной семантики.

Список сокращений

Алб. – с. Албазино	Н.-Вскр. – с. Ново-Воскресенское
Амур. – Амурская область	Серг. – с. Сергеевка
Бел. – Белгородская область	Скв. – Сквородинский район
Благ. – Благовещенский район	Уш. – с. Ушаково
Джл. – с. Джалинда	Чесн. – с. Чесноково
Мих. – Михайловский район	Шим. – Шимановский район
Н.-Андр. – с. Ново-Андреевка	

Список литературы

1. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
2. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981. Т. 2. 779 с.
3. **Зинин Е. О.** Русские деминутивы в общевариологическом аспекте: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ташкент, 2008. 26 с.
4. **Русские говоры Приамурья:** коллективная монография / под ред. В. Т. Садченко. Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2011. 204 с.
5. **Словарь русских говоров Приамурья** / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Пуяткина, Н. П. Шенкевец. Изд-е 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
6. **Субботина О. А.** Суффикс *-оват/-еват-* как амбивалентный маркер градации признака // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.). М., 2004. С. 291.
7. **Шейдаева С. Г.** Категория субъективной оценки в русском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. Н. Новгород, 1998. 42 с.
8. **Янценецкая М. Н.** Семантические вопросы теории словообразования. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. 244 с.

ON EVALUATIVE ADJECTIVES IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE AMUR REGION

Sadchenko Valentina Tarasovna, Doctor in Philology, Professor
Pacific National University
ValentinaSadchenko@yandex.ru

The article identifies and describes the models of adjectives with the suffixes of subjective evaluation by the practically uninvestigated in the word-formative aspect dialect material – Russian dialects of the Amur region. The author mentions the different level of productivity, partial desemantization and broadening the range of evaluative suffixes meanings in the dialects in comparison with the literary language.

Key words and phrases: adjective derivatives; word-formative model; suffixes of subjective evaluation of adjectives; productivity; Russian dialects.

УДК 81'42:811.112.2

Статья посвящена детальному анализу понятий «чужесть», «другость», «инаковость» как категорий интерпретации действительности в условиях многонационального общества. Рассматриваются и описываются актуальные подходы к определению данных понятий с позиции их языковой, культурологической и философской сущности. На основе семантического и контекстуального анализа лексем «чужой», «другой», «иной» в русском и немецком языках выделены их дифференцирующие признаки; предложена шкала их когнитивной градации.

Ключевые слова и фразы: чужесть; другость; инаковость; мультикультурализм; идентичность.

Свинкина Марина Юрьевна
Волгоградский государственный университет
svinkina29@gmail.com

**ПОНЯТИЙНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ
КАТЕГОРИЙ ЧУЖЕСТЬ – ДРУГОСТЬ – ИНАКОВОСТЬ**

В современной лингвистике язык рассматривается в качестве специфического способа существования культуры. Человек объективирует свое сознание с помощью языка, и мир отражается в языке антропологически окрашенным [6, с. 26]. Особый интерес в контексте усложнившихся геополитических отношений представляет вариативность отношений *чужести – другости – инаковости* как категорий, выступающих

эксплицитным элементом межкультурной коммуникации. В рамках нашего исследования мы попытаемся интерпретировать содержание данных лингвокультурных категорий в русском и немецком языках, а также выявить механизмы объективации ментальных границ двух культур в рамках обозначенных категорий.

По мнению Н. Л. Шамне, определяющими в XXI веке становятся два парадоксально связанных друг с другом процесса – глобализация и национальная идентификация. Если глобализация сопряжена с унификацией жизни в разных странах, то проблема национальной идентичности связана с усиливающимся стремлением народов сохранить национальную самобытность, укрепить традиционное национальное самосознание [10, с. 44].

Мультикультурализм как политическая доктрина, к которой прибегают многонациональные государства современного мира, уже несколько лет является предметом спекуляций и споров. С одной стороны, политика мультикультурализма стремится к сближению народов, многостороннему признанию инаковости, открытости и гласности. Принятие иной социальной группы в ее своеобразии, нивелирование социального неравенства и взаимное уважение среди населения образуют фундамент либерального общества – общества, которому чужды пропагандистские отличия между людьми. С другой стороны, история показывает, что отдельным нациям, культурным сообществам и общинам свойственно настаивать на своей уникальности и идентичности.

Принцип диалектического взаимодействия данных феноменов лежит в основе стратегий и тактик освещения новостного материала СМИ. События, происходящие в других странах и освещаемые прессой, иногда представляются нам непонятными и непривычными, а жители этих стран как участники происходящего зачастую приобретают образ *чужаков, иных или других* людей, не вписывающихся в концептуальную оппозицию *друг :: враг*. Образы носителей другой культуры возникают не столько на основе индивидуального, конкретного опыта, сколько реализуются за счет запечатленных коллективных представлений, подверженных политическому манипулированию.

Любое межкультурное взаимодействие скрывает в себе определенную неуверенность партнеров по коммуникации по отношению друг к другу. *Инаковость другого* в силу иностранного языка, на котором он говорит, его культурных и религиозных отличий делает его идеальной фигурой для проекций [14, S. 62]. Отсутствие возможности личной проверки фактов и умозаключений журналистов на предмет их верной интерпретации, а также обобщающий характер суждений позволяют приписывать *другому* любые черты, привычки и ценности.

Для установления дифференцирующего признака понятий чужого – другого – иного обратимся к содержанию таких лингвофилософских категорий, как *чужесть/Fremdheit – другость/Andersheit – инаковость/Verschiedenheit*.

В русском языке гипотезу о существовании особой категории семантического характера – категории *чуждоты/алиенации* выдвинул А. Б. Пеньковский, который определял ее как процесс познания *чужого* мира, характеризующийся признаками заключительного обвинения и дискредитации посредством языка [7]. Последствия соприкосновения с *чужим* в актах межкультурной коммуникации (МКК) как процесс осознания *чуждоты*, или *очуждение* (термин Б. Брехта, который он ввел для выражения принципа дистанцирования и способа представить явление с неожиданной стороны), описал П. Н. Донец [3, с. 189]. На основе семиологического и логико-понятийного анализа ученый выделяет четыре механизма очуждения в МКК: 1) механизм когнитивного и коннотативного редукционизма, проявляющийся в недостатке информации о *чужом* и в ограниченности деятельностного потенциала участника интеракции в условиях чуждого окружения; 2) механизм вздорожания/обесценивания *чужого* в прагматическом измерении; 3) механизм личного освобождения/потери уверенности, где первый аспект трактуется как привлекательность *чужой* страны, путешествие как глоток свободы; 4) механизм «ложного освоения» как аналог интерференции. Таким образом, А. Б. Пеньковский вводит понятие семантической категории *чуждоты*, П. Н. Донец говорит о феномене *очуждения* применительно к межкультурной коммуникации. Однако мы считаем целесообразным использовать понятие *чужесть*, которое выступает более точным аналогом философской категории *Fremdheit* и не перекликается с литературоведческим приемом эпического театра Б. Брехта.

Первые труды по теме *чужесть* таких немецких исследователей, как Г. Зиммель, О. Ф. Больнов, А. Шюц, которые позже были причислены к классикам данного направления, вышли в начале XX века, став отправным пунктом в изучении проблемы *чужого* в Германии. Новые вызовы в контексте трудовой миграции, адаптации и интеграции приезжих, постановка вопроса об этнической принадлежности актуализировали подходы к изучению *чужести* как категории для описания общественных процессов. Особый вклад в изучение проблемы чужого внес в 1990-е годы А. Хан, выдвинув тезис о *чужести* как процессе приписывания качеств. *Чужесть* – это не свойство, не объективное выражение связи между индивидами или социальными группами, а дефиниция отношения. В повседневной жизни *чужим* обозначается нечто, с чем мы еще не знакомы, что выходит за рамки привычного, для чего в нашем языковом сознании отсутствует готовая дефиниция [12, S. 145]. Работы А. Хана, Р. Стихве и А. Нассеи посвящены двум аспектам изучения *чужести*, а именно зависимости восприятия *чужести* от смены формаций и общим признакам, позволяющим обнаружить конструкт *чужого*. Согласно эволюционно-теоретическому подходу, первая и экстремальная форма *чужести* наблюдается уже в древнейшем обществе. *Чужой* привилегировался, ему приписывали сверхъестественные качества, его боготворили, он мог быть избран вождем племени. В то же время отмечались и другие случаи взаимодействия. *Чужой* мог находиться какое-то время в определенном племени в качестве гостя, пока не принималось решение принять его в свою общность или убить. В наши дни *чужие* скорее становятся нормой, чем исключением из правил [13, р. 103]. В этой связи А. Хан пишет о «генерализации чужести», тенденции, типичной только для современного общества. Ученый отмечает, что восприятие *чужого* по-прежнему строится на бинарном фрейме *свой :: другой* [12].

Для упорядочивания многоликости чужого А. Хан вводит 2 дифференцирующих признака: 1) Другой и 2) Незнакомый, неизученный, не вызывающий доверия. Анализ контекстов свидетельствует о коммуникативной гибкости лексемы *fremd* и ее производных в немецком языке. Например, словосочетание *экзотичное блюдо* звучит на немецком как *exotisches/fremdes Gericht*. В основу номинации положен признак *незнакомый, далекий*. При описании детей в текстах может встретиться глагол *fremdeln* – *сторониться посторонних*, значение которого, в первую очередь, указывает на незнакомое окружение. О человеке, который пытается играть чужую роль, приукрашивая собственную значимость, иронично говорят *mit fremden Federn geschmückt*, что соответствует русскому *ворона в павлиньих перьях*. Выражение *etwas befremdlich finden* означает *находить что-то поразительным* (в негативном смысле), *неприятным*. По отношению к супружеским парам в случае измены одного из партнеров употребляется выражение *fremdgehen*, т.е. *ходить налево, найти себе кого-нибудь на стороне, изменить*. Культура, определенная традиция, группа людей или даже конкретный человек могут восприниматься как *чужие/fremd*, т.е.: 1) как незнакомые или 2) как обнаруживающие черты и качества, создающие культурный и когнитивный барьеры, которые нельзя преодолеть только посредством прямого знакомства [2; 11]. Понятия *другой* и *иной* вызывают затруднение при попытке их толкования в силу низкой частотности их употребления в одном контексте. Нем. *anderer* произошел от лат. *alter* – *другой из двух*, в древневерхненемецком *andar* обозначал порядковое числительное *второй*. В русском языке зафиксировано два значения лексемы *другой*: 1) отличный от данного, не этот; 2) следующий, второй [2, с. 278]. В немецком словаре братьев Гримм лексической единице *verschieden* соответствует *dem anderen ungleich, durch eigenart hervorgehoben* – *непохожий на другого, выделяющийся своим своеобразием* [11, S. 321]. Объем лексической единицы *чужой* шире и многозначнее словарных единиц *другой/иной*. *Чужому* приписывается в большей мере негативная коннотация. В речи она выражает социальную дистанцию и нетерпимость, в то время как лексема *другой* имеет скорее нейтральный семантический оттенок. По мнению Е. Ю. Кисляковой, определяющим семантическим признаком лексемы *другой* выступает ее «вариативность»: от потустороннего и существующего параллельно до *другого* как ближнего и *другого Я* [5, с. 23]. На наш взгляд, понятия *чужой* – *другой* – *иной* дают оценочную характеристику человека и его жизнедеятельности, отражая особенности восприятия мира людьми на основе семантического признака отличия.

Чужесть как относительная величина подразумевает отношение, возникающее вследствие отсутствия принадлежности одного субъекта к группе другого. *Чужой* вызывает раздражение прагматического характера. С одной стороны, он близок, с другой – непреодолимо далек [16, р. 10].

В притче «Содружество» Ф. Кафки речь идет о пяти людях, которые приняли решение объединиться. Они живут вместе в одном доме, но однажды их мирная жизнь омрачается вмешательством шестого. *Он не делает нам ничего худого, но он нам в тягость, это достаточно скверно; зачем он навязывается, если с ним не хотят иметь дело? Мы его не знаем и не хотим принимать его к себе* [4]. Категоричность непринятия постороннего, несмотря на все его стремления и попытки, не оставляет ему шансов на включенность в содружество. *Чужому* не объясняют причин подобного отношения к нему, *ведь долгие объяснения означали бы чуть ли не принятие его в круг*. Поэтому пятеро друзей просто *выталкивают его локтями* [Там же].

«Непринадлежность» должна восприниматься как прагматически значимая, т.е. вызывать собой ожиданий и потерю ориентиров при взаимодействии с чужим. В обратном случае речь будет вестись об отношении *инаковости*. Подобное различие можно показать на примере иностранца, приехавшего на заработки в Германию. Изначально нейтральное по своей семантике *Gastarbeiter*, обозначающее человека, который приехал работать на ограниченный срок в другую страну, в дальнейшем приобретает негативную коннотацию в дискурсе пригласившего его общества. Он воспринимается как *чужой*. При этом возможно обратное действие: *чужой* способен перейти в категорию *другого, инакового*. Подобный переход отмечается в эпоху Просвещения, когда чужой трансформируется в *другого* по духу человека, разделяющего общие взгляды.

На уровне философской объективации происходит скорее осмысление *другого*, нежели *чужого*, но эти два понятия часто используются как синонимы. В феноменологии Э. Гуссерля *чужой* и *другой* образуют феномен парности, т.к. присутствуют в одном едином созерцании. Э. Гуссерль и Э. Левинас используют понятия *другость* и *чужесть* как взаимозаменяемые, аргументируя это тем, что в фокусе их исследовательских интересов находится анализ опыта взаимодействия с *другим/чужим*, а не дефиниция термина. Согласно триаде социального взаимодействия Г. Зиммеля, оппозиция *свой :: чужой* неизбежно расширяется за счет третьего лица. Под понятием *третий* обязательно подразумевается третий человек, скорее некая область «между», разделяющая *Я* и *Ты*. Г. Зиммель подчеркивает, что категорию *чужесть* не следует трактовать как экстремальную форму *другости* [15, S. 198]. Ряд авторов полагают, что *другой* характеризует практически все, чем не является *Я*, т.е. всю панораму «Не-Я». Оно абсолютно феноменологически нейтрально и не имеет этического оттенка [8, с. 49].

Чужесть представляет собой одну из форм постижения *другого* при обнаружении различия, в то время как *другость* необязательно сводится к *чужести*. Впервые на эту особенность указал Г. Вайнрих, отметив в своей работе «Иностранные языки как чужие», что «мы ни в коем случае не должны вызывать в себе чувство *чужести*, столкнувшись с проявлением *другости*» [18, S. 123]. Так, например, мужчины и женщины не воспринимают друг друга как *чужие*, несмотря на тот факт, что они разные. Г. Вайнрих заключает, что *чужесть* возникает посредством интерпретации признаков *другого* в нашем сознании [18].

К интересному выводу о соотношении понятий *чужесть* и *другость* (Alienität und Alterität) приходит Х. Турк, который рассматривает *чужого* через призму противопоставления *своему*, собственному, а *другого* определяет через отношение вариативности: *не Я, не чужой, а отличающийся – другой* [17, S. 19]. *Другость* выступает обратной стороной идентичности.

В. В. Ферони в своей работе «Три лика Другого: Другой, Иной, Чужой» вводит пространственно-временной маркер для дифференциации понятий. *Другого* следует расценивать как партнера не в случайной коммуникации, а в длящемся и постоянно возобновляемом диалоге, т.е. он существует в том же пространстве смыслов, что и Я. *Другой* манифестирует себя в присутствии общего прошлого. Истоки понятия *иного* исследователь видит в сфере человеческих ценностей. *Иной* – это тот, кто не разделяет мои ценности «здесь и сейчас», но потенциально готов их если не разделить, то понять мой выбор. Другими словами, если с *другим* может быть общее прошлое, то с *иным* объединяет потенциально общее будущее. Если народы бывшего СССР жили идеологией «общего прошлого», культивируя *дружость*, то Европа руководствовалась идеологией, устремленной в «общее будущее» с ориентиром на потенциальную встречу с *иным* [9, с. 115].

Мир *чужого*, *другого*, *иного* возможен только в условиях толерантного общества. Толерантность не способна полностью решить проблему *чужести* *другого*, но на ее основе можно воспитать уважение к границам *чужого*, за которыми находится *иной*. В большинстве случаев отношения с *другим* изначально толерантны, но могут повлечь за собой интолерантность, с *иным* – толерантны потенциально [Там же, с. 121]. С *другими*, находящимися в нашем обществе, мы вместе встретим старость, а с *иными* мы находимся в состоянии взаимоожидаемой встречи. *Иной* может стать *другим*, но может и обернуться ликом *чужого*, в зависимости от обстоятельств нашего взаимодействия.

Авторы монографии «Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема» рассуждают об *инаковости* преимущественно как о характеристике культур, основанных на разных способах смыслополагания. Культуры, *инаковые* в отношении друг друга, рассматриваются как *инологичные* [1, с. 19]. Если отношения Я и *другого* строятся преимущественно на сходстве, то в основе взаимоотношений с *иным* лежит логика различий. Данный феномен можно проследить на примере мигрантов в Германии. По приезде из другой страны человек в силу своей *инологичности* в контексте культуры, религии, языка воспринимается как *иной*. Со временем он может выучить немецкий язык, адаптироваться к нормам поведения в немецком обществе и перейти в категорию *другого*, что стоит рассматривать как результат процесса добровольной ассимиляции. Если же человек в силу определенных причин идентифицирует себя только с конкретной этнической группой и не принимает «правил игры» новой страны пребывания, то для населения этой страны он становится *чужим* и вызывает угрозу культурной безопасности.

Подводя итоги, отметим, что в русском и немецком языках *чужой* выступает антитезой *своему*, а *иной* трактуется как *другой*, вызывающий интерес в силу своей *инаковости*. Мы считаем, что анализируемые понятия можно расположить в следующей градации, отражающей своего рода степень близости/дальности и объективности/субъективности: *инаковость* → *дружость* → *чужесть*. Наибольший интерес в процессе коммуникации представляет собой *иной*, демонстрирующий готовность к содействию, разделению взглядов и присутствующий в индивидуальном ментальном пространстве. Осмысление отличительных черт *иного* вызывает в сознании образ *другого*, обнаруживающего большую межличностную дистанцию. *Чужой* занимает крайнюю позицию по степени дальности, он социально изолирован, располагается на границе когнитивной картины мира. *Чужесть* как интерпретанта *инаковости* является субъективным социальным конструктом, в то время как *дружость* обнаруживает объективную сущность. Целью понимания *чужого* и *иного* является толерантность по отношению к *другому*.

Перспективу нашего исследования составляет анализ коммуникативных тактик и стратегий репрезентации *иного* – *другого* – *чужого* в российских и германских СМИ.

Список литературы

1. Бессмертная О. И., Журавский А. В., Смирнов А. В., Федорова Ю. Е., Чалисова Н. Ю. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. Т. 3. 689 с.
3. Донец П. Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика межкультурных смыслов и языковых форм: дисс. ... д. филол. н. Харьков, 2004. 367 с.
4. Кафка Ф. Содружество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kafka.ru/rasskasy/read/sodruz> (дата обращения: 05.03.2016).
5. Кислякова Е. Ю. Семантика другого: опыт семасиологической конкретизации // МИРС. 2015. № 3. С. 18-24.
6. Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: монография. М. – Астрахань: КНОРУС; ИД «Астраханский университет», 2016. 212 с.
7. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987. М.: Наука, 1989. С. 54-82.
8. Романова А. П., Якушенков С. Н., Лебедева И. В., Топчиев М. С. Феноменология чужого в системе культурной безопасности // Человек, сообщество, управление. 2011. № 1. С. 44-56.
9. Ферони В. В. Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. № 1. С. 112-130.
10. Шамне Н. Л. Культурно-языковая и социальная адаптация мигрантов // Власть. 2013. № 6. С. 44-47.
11. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1854-1960. Bd. 4. 1104 S.
12. Hahn A. Die soziale Konstruktion des Fremden // Walter M. Sprandel (Hg.): Die Objektivität der Ordnungen und ihre kommunikative Konstruktion. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1994. S. 140-163.
13. Harman L. D. The Modern Stranger: On Language and Membership. Berlin: Mouton de Grayter, 1988. 182 p.
14. Rauchfleisch U. Die Begegnung mit dem Fremden. Psychologische Aspekte // Toleranz: Forderung und Alltagswirklichkeit im Zusammenleben von Menschen verschiedener Kulturen. Basel: Christoph Merian Verlag, 1993. S. 61-66.
15. Simmel G. Soziologie (sechste Auflage). Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Berlin: Duncker & Humboldt, 1983. 578 S.

16. **Stichweh R.** The Stranger: On the Sociology of Indifference // Thesis Eleven 51. 1997. November. P. 1-16.
 17. **Turk H.** Alienität und Alterität als Schlüsselbegriffe einer Kultursemantik // Jahrbuch für Internationale Germanistik. 1990. № 22:1. S. 8-31.
 18. **Weinrich H.** Nahfremdheiten aufdecken // Alois Wierlacher und Corinna Albrecht: Fremdgänge. Eine anthologische Fremdheitslehre für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache. Bonn: Inter Nationes, 1995. S. 122-125.

**CONCEPTUAL VARIABILITY OF THE LINGUOCULTURAL CATEGORIES
 “ALIENNESS”, “FOREIGNNESS”, “STRANGENESS”**

Svinkina Marina Yur'evna
Volgograd State University
svinkina29@gmail.com

The article provides a detailed analysis of the concepts “alienness”, “foreignness”, “strangeness” as the categories to interpret reality under the conditions of multi-national society. The author examines and describes the relevant approaches to defining these concepts from the viewpoint of their linguistic, culturological and philosophical essence. Relying on the semantic and contextual analysis of the lexemes “alien”, “foreign”, “strange” in the Russian and German languages the researcher identifies their differentiating features, proposes the scale of their cognitive gradation.

Key words and phrases: alienness; foreignness; strangeness; multiculturalism; identity.

УДК 81'42

С позиций герменевтического подхода проводится анализ морбиальных метафор как средства смыслопостроения при развенчивании либеральной идеологии в современном политическом дискурсе российских СМИ. На основе интерпретационного анализа морбиальных метафор выявлена рекуррентность конкретных отрицательных и положительных морбиальных образов, актуализирующих определенные социально-значимые смыслы. В исследовании показывается, как актуализация рефлексивного потенциала морбиальных метафор позволяет не только дискурсивно воссоздавать проблему социально-политического характера, но и подсказывать пути выхода из нее.

Ключевые слова и фразы: морбиальная метафора; политический дискурс СМИ; герменевтический подход; конструирование смысла; либерализм; антропоцентричность; экспликация.

Сидельникова Мария Николаевна

Тверской государственной медицинский университет
mnsidelnikova@gmail.com

**МОРБИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО РАЗВЕНЧИВАНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ
 ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ СМИ**

В современной лингвистической науке отмечается все больший интерес к дискурсу СМИ и, в частности, к его прагматическому потенциалу, реализуемому тропическими средствами языка. Тропы в дискурсе СМИ – это носители ценностных установок, ретранслируемых в сознание людей и формирующих систему ценностей общества в целом. Говоря о дискурсе той части российских СМИ, предметом которой является отражение политической действительности, отметим, что на сегодняшний день одной из наиболее обсуждаемых в них проблем является либерализация российского общества.

Либерализм, с провозглашаемыми им свободами, развивался исторически как идеология снятия социальных скреп – религии, государства, народа, семьи. На сегодняшний день трансформация либеральных воззрений, проявляющихся в атомизации общества, в безудержном потребительстве, в отмене цензуры, в деконструкции традиционной морали и забвении исторических корней, приобретает пугающий характер, и общество реагирует на это, все чаще диффамируя либеральную идеологию на личностном и статусно-ориентированном уровнях.

На статусно-ориентированном уровне экспликация деструктивной сущности либерализма происходит в политических дебатах, аналитических авторских программах, а также статьях интернет-изданий, адресуемых, несмотря на солидный политический контент, не конкретной целевой аудитории, а массовому читателю.

С позиций прагматической лингвистики осуждение идеологий, борьба за власть и масштабное формирование общественного мнения являются неотъемлемыми функциональными характеристиками определенного типа дискурса, выступающего одновременно и как процесс (вербализованная речемыслительная деятельность), и как результат (фиксированный текст). В частности, это характеристики политического дискурса, в котором субъект коммуникации опредмечивает собственное осмысление политической ситуации текстовыми средствами.

Учитывая все многообразие подходов к определению понятия «политический дискурс», в данной статье мы будем придерживаться позиции Е. И. Шейгал [16, с. 45]. Устанавливая границы данного типа дискурса, автор исходит из его широкого понимания и включает в него как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или